

Єдинью ващѣ та, а дрѹгю ма́йка та на ра́мена та си, и по благо́мѹ щастію, замина́ха безвѣдно ѡкрѹжающіа тѣ дѣи́мѹ и стра́шны те пла́мени.

Сички те що то видѣха тѣм чадолюбимый постѹпскѹ, зачѹди́ха се по прѣмно́го: и ѡни, и тѣ́хни те по-то́мцы, всегда́ послѣ нари́чаха ѡни пѣть по ко́йто пей-до́ха добрі те тѣм юноши ксга́то вѣ́гаха „псла́на та на-благочестіви те сынове.“

ТяБлиця 57.

Мѹжество и стра́хъ.

Фѡтій и Стѣфанъ, като се врѣщаха Єдинъ дѣнь злѣдно ѡтѣ оҹчилище то, чѹха внезапѹ гла́сове ѡтѣ дѣца, жси́ то се вѡре́ха. Боркы, боркы! Извыка́е Фѡтій, айде да йдеме да поглѣдаме. Не ѣ на́ша ра́бота, рече Стѣфанъ: айде да си вѣрвѣме мирно по пѣтатъ, и да се не мѣшаме вѣ завѣи, защѡ мѡже да се ѡвѣркаме, та послѣ не щѣ да се ѡтка́чима лѣсно. Ты си страшилѣвъ, рече Фѡтій, за това́ се жси́шъ да йдешъ, и ѡтѣрча́ а́вѣ самъ.

Стѣфанъ си ѡти́де пра́во оҹ домѣ, и по ѡвѣдѣ ѡти́де па́ки во оҹчилище то по ѡвѣчаю: но Фѡтій кѣше рѣка́з на сички те дѣца, защѡ Стѣфанъ ѣ страшилѣвъ, и присми́ваха мѹ се мно́го. Сига́ Стѣфанъ развѣмѣ, защѡ и́стинно мѹжество се покѣзѣва помно́го ксга́то претѣрпѣва нѣкой непра́ведно сѹничижѣнѣ, и защѡ не трѣвѣва да се вой ѡтѣ ни́що, тѡкмо ѡтѣ грѣхъ.

По нѣколко дни́ послѣ това́, Фѡтій се кѣпеше вѣ рѣка́ та сосѣ дрѹги нѣкои содченицы́ и ѡтѣ невнимѣнѣ ѡти́де вѣ на́й джа́воко то мѣсто: мѣчешесе и вѣикаше за по́мощь, но на пра́здо. Дѣца́ та що то вѣ́ха река́и на Стѣфана́ страшилѣвъ, и злѣзо́ха сички те вѡнка ѡтѣ вода́ та, и не щѣ́аха да мѹ помѡгнатъ.

Фѡтій потѣноваше веке ксга́ то Стѣфанъ се сокла́че, и като се фѣрай во вода́ та, стигна́ го тѡчно вѣ мѣнѣга та, ксга́ то' потѣноваше вѣтори пѣть: и сосѣ голѣмъ трѣдъ́ го извлѣче вѡнка и такѣ мѹ избавѣи живѡтатъ.

Фѡтій и содченицы́ те мѹ засра́ми́хасе мно́го, зашто́ вѣ́ха наре́кли Стѣфана́ страшилѣвъ, и исп:вѣ́да́ха, защѡ тѡй кѣше на́й мѹжественъ ѡтѣ сички те ни́хъ. Дѣца, ни́когашъ да се не вѣйте да чѣините добрѡ, всегда́ ѡ ка́че да трѣперите ѡтѣ стрѣванѣе то на злѡ то.